Буров А.А.,
Бурова Г.П.,
Фрикке Я.А.
(Пятигорск)

К вопросу о разновидностях метатекстовых образований

Одним из специфических признаков функционирования не только художественно-литературного текста (с присущим ему как явлению сферы *belletristicum* свойством к формированию в нем авторского портрета, или автопортретирования [9: 102]), но и любой дискурсивной субстанции с иным конструктивно-стилевым вектором [16] является образование метатекста. Метатекст как высказывание о высказывании в тексте, как своеобразное проявление «скрытого двухголосья», текстовой полифонии формируется на особом структурном уровне, будучи представленным отдельными внутритекстовыми вкраплениями (собственно «метатекстовые нити»), замечаниями, комментариями, уточнениями по поводу собственного текста и составлен из метатекстовых образований [10: 402 и след.].

Выделение метатекста в тексте связано с разграничением естественного языка и метаязыка как «языка второго порядка», для обозначения условной единицы которого А. Вежбицка вводит термин «метатекстовой оператор». Известно, что им может быть любой компонент текста, выполняющий метатекстовую функцию, которая в каждом частном случае конкретизируется, соотносясь с разными элементами прагматического содержания: с интенцией адресанта высказывания или с его адресатом; с фактом развертывания текста или его восприятия; со способом оформления текста или с особенностями контекстуального употребления его элементов [10].

Метатекст может проявляться в самой различной форме в тексте, если подходить к последнему как к ткани, обладающей складчатой фактурой (ткань – фр. *textile*) и способной хранить в своих складках добавочную информацию авторского характера или рефлексию на сам текст [13; 28; 4 - 8 и др.].

Традиционно все метатекстовые образования подразделяются на *иннективные*, образующиеся внутри основного текста, и *сепаративные,* которые существуют независимо от комментируемого текстового пространства, но адресованы ему обычно самим автором [26; 25; 28 и др.].

Выделение иннективной и сепаративной разновидностей не исключает существования неких периферийных метатекстовых образований, совмещающих их функции (речь может идти об употреблении значительных по объему текстовых подпространств, которые, употребляясь как внутри основного текста, так и *в связи с ним, возле него*, решают более обширные функциональные авторские задачи, нежели простое комментирование какого-то текстового локуса, сопровождающееся метамодальной оценкой). Мы считаем, что закономерно выделение периферийной, по отношению к иннективному метатексту (ИМ) и сепаративному метатексту (СМ), области метатекстовых образований:

зона
+...ИМ ..... ////////////////////////////////////.....СМ..+
метатекстовой периферии

Прежде чем характеризовать зону периферии метатекста, напомним, что собой представляют базовые метатекстовые разновидности.

Иннективный метатекст объединяет метатекстовые операторы, вплетенные в ткань основного текста: части высказывания лексико-грамматического характера, в которых эксплицированы прагматические речевые смыслы и эмотивные реакции; вводные слова и вводные предложения, а также вставные конструкции с тем или иным проявлением модального плана; предикативные части сложных предложений и целые предложения, переводящие метаоценку в предикативную сферу утверждения или отрицания авторской позиции; иногда это и отдельные абзацы метакомментирующего характера.

Проблема метаязыкового комментирования связана с существованием в сознании коммуникантов метатекста, сопровождающего основной текст. Давно замечено, что пишущий, пытаясь учесть характер восприятия своего высказывания реальным или гипотетическим адресатом, предугадывает возможные вопросы, возражения по поводу содержания и формы написанного. М. М. Бахтин писал: «Строя свое высказывание, я стараюсь его [ответ] активно определить; с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на мое высказывание (я парирую возражения, которые предвижу, прибегаю ко всякого рода оговоркам и т.п.)» [2: 169].

Традиционно метатекст характеризуется как высказывание о высказывании (основном тексте), образующее так называемый второй текст с вербализованным прагматическим содержанием [19].

Под прагматическим содержанием подразумевают отражение в метатексте процесса развертывания основного текста, его интерпретации автором и подготовки к восприятию адресатом.

Метакомментирование номинации, иначе языкового кода высказывания, рассматривается как один частный аспект речевой деятельности, к которому сводима рефлексия говорящего: текст считается «средой существования» метатекста.

Метаязыковые линии, вплетаемые в текст, приобретают вид такой надстройки над ним, в рамках которой содержатся всевозможные попутные сведения о том, как следует воспринимать разного рода комментарии, независимо от того, являются они собственно авторскими или представляют собой своеобразные чужеродные вкрапления. Попутный характер вводимой информации позволяет называть рассматриваемое явление метакомментированием.

Предметом метакомментирования выступает индивидуальное соотношение между формой и содержанием номинативной единицы, которое автор, стремясь предупредить вопросы со стороны читающего, вынужден уточнять или оценивать.

Уточнение упомянутого соотношения существует в двух вариантах: автор либо разъясняет содержание номинаций (комментарий при этом предписывает адресату: «Имей в виду, что эта номинация означает следующее...»), либо оговаривает форму наименования той или иной реалии («Имей в виду, что эта реалия имеет следующее название...»).

Такая вариативность уточнения соотношения между формой и содержанием объясняется наличием в процессе коммуникации двух позиций – позиции говорящего и позиции слушающего. Распространена точка зрения, что слушающий, прежде всего, слышит речь, воспринимаемую как акустический объект, и декодирует услышанное, т. е. идет, как принято говорить, в направлении от «формы к смыслу», говорящий же занят противоположной деятельностью – в своей речевой продукции он кодирует определенное смысловое содержание.

Можно предположить, что автор поочередно, в зависимости от необходимости, в стремлении высветить употребляемые в собственном тексте номинации, следует либо в направлении от формы к содержанию (используя при этом семасиологический подход к попавшей в фокус внимания номинации), либо в направлении от содержания к форме (применяя, таким образом, ономасиологический подход) [12: 12-13].

И в том, и в другом случае автор обращается к такой логической операции, как идентификация, однако в зависимости от выбранного направления меняет ее объект, идентифицируя то означаемое, то означающее. Означаемое идентифицируется значительно чаще, поскольку усилия пишущего, прежде всего, направлены на то, чтобы обеспечить корректное истолкование номинативных единиц (однословных, состоящих из нескольких слов, предложений).

В одних случаях метакомментарий необходим, поскольку адресату вообще неизвестна номинация или же она известна, но по своей природе или в силу нестандартного использования лишена способности однозначно указывать на класс реалий. В этих условиях задача метаязыкового комментирования сводится к констатации денотативного значения соответствующей номинации, т. е. той части содержательной структуры знака, которая указывает на класс предметов (реалий), обобщенных языком по какому-либо набору отличительных признаков.

В случае, когда в тексте встречаются слова и выражения, составленные по законам другой знаковой системы (а в тексте набоковского романа это не редкость, в процессе анализа текста мы встречаем не одну знаковую систему: английский, французский, латинский языки), отличной от той, которая знакома и привычна адресату (иноязычные, специальные, устаревшие, диалектные, разговорные, окказиональные слова и выражения, аббревиатуры), используются два способа комментирования: эквивалентное замещение одной номинации другой и толкование. К таким метакомментариям часто прибегает, например, В.В. Набоков, чтобы пояснить читателям иноязычные или окказиональные слова и выражения, вкрапленные в языковую ткань текста. Для эквивалентного замещения автор использует уточняющие члены предложения, как правило, сопровождаемые пояснительными союзами:

1. Обычно он называл ее mummy**,** *<u>или мама</u>, по-английски ударяя последний слог, по-русски – на первый; кто-то утверждал, что тройни и наличие змиев в геральдике случаются в триязыких семьях; однако теперь уже не оставалось никаких сомнений (разве только, быть может, сохранилось в злобно, не живой давно, пребывающей в аду памяти Марины), что Ван ее, ее, Аквы, возлюбленный сыночек. 2. Чрезвычайно ценная, фарфорово-белая пятнистая личинка* «Капюшона», *<u>«или Акулы»</u>, благополучно перешла в следующую фазу своего развития, но уникальная Лорелея погибла от парализующего укола мухи-наездника, которую не смогли сбить с толку хитроумные бугорки и лишаистые пятнышки. 3. Когда окончательно прекращается frission (<u>подрагивание),</u> означающее взаимосоитие, самка высасывает содержимое тельца своего пылкого партнера через его ротовое отверстие.* 4. *Когда я тебя сюда целую,*

говорил он ей много лет спустя, постоянно вспоминаю то голубое небо и балкон, где ты ела tartine au mile, пусть по-французски, так лучше (Набоков. Ада).

Вставные единицы, поясняющие денотативное значение иноязычных номинаций, в отдельных случаях инициируются специальными словами, сигнализирующими о том, что в процессе эквивалентного замещения осуществляется именно перевод. Такие показатели разнообразны по своему характеру: это и наречие *по-русски,* и сочетание предлога с существительным *в переводе* и др.

Метакомментирующая вставная единица также может представлять собой аналог придаточного присоединительного:

Аква возликовала при мысли, что ей, бедняжке Акве, вдруг выпало открыть такой постой метод записи и воспроизведения разговора, тогда как технари со всего света (эти «яйцеголовые») пытаются сделать сносными в быту и экономически выгодными эти крайне сложные и не дешевеющие гидродинамические телефоны и прочие жалкие новшества, что пришли на смену прежним, оправившимся k chertyam sobach'im (это по-русски) когда вышел запрет на ламмер, о котором и говорить не стоит (Набоков. Ада).

Если же такой эквивалентной замены комментируемой номинации не находится, Набоков обращается к другому способу – толкованию, при котором читателю дается развернутое описание предмета, обозначенного предположительно не известной адресату номинацией. В реализации этого способа участвуют уточняющие члены предложения, распространяемые причастными оборотами и придаточными частями:

Надеюсь, Марина прекратит меня ругать меня за мое увлечение («Просто не прилично для девочки возиться с такими отвратительными тварями...», «Нормальные барышни должны испытывать отвращение к змеям, червякам и прочим...»), если я смогу убедить ее преодолеть отсталость и страх и подержать на ладони и запястье (в одной ладони не уместится!) благородную личинку – гусеницу бражника Cattleya – семидюймового колосса телесного цвета и с бирюзовым орнаментом, с приподнятой и не подвижной, как у сфинкса, головкой (Набоков. Ада).

В качестве средств метакомментирования Набоков использует вставные единицы различного объема, в частности, вставные сложные словосочетания. Такое метакомментирование обширно представлено в тексте и буквально пронизывает все его содержание. Препозитивные номинации, по нашим наблюдениям, комментируются, как правило, вставными единицами, способами прямого указания на референт, актуализации референтного объема, переосмысления ситуации за счет скобочного цитирования.

Прямое указание на референта предполагает ввод в высказывания конкретизирующей информации, дающей представление о том же событии, которое лежит в основе комментируемой единицы, но с привлечением других формальных средств:

В середине июля 1886 года, когда Ван выигрывал состязание по настольному теннису на борту парохода «люкс» (которому теперь целая неделя требовалась, чтоб доплыть из Дувра до белоснежного в своем Манхэттена!), Марина, обе ее дочери вместе с гувернанткой и обеими горничными, на разных остановках поезда, везущего их из Лос-Анджелеса в Ладору, более или менее перестрадали лихорадку русской инфлюэнции (Набоков. Ада).

Исходное сообщение, будучи сообщением общего порядка, может получать во вставке конкретизацию упоминанием одного из фактов, иллюстрирующих уже сказанное, но не исчерпывающих всего его референтного объема.

Но совершенно очевидно, что среди выделенных нам метатекстовых образований (метакомментариев) заметны те, которые обеспечивают не столько развертывание основного текста, сколько активное восприятие его адресатом. Дело в том, что под воздействием психологических факторов, а именно значимости и неоднозначности

прагматической ситуации, отразившейся в тексте, актуализируется сама ситуация общения. Авторская рефлексия становится совершенно уместной, и метатекст способствует диалогизации изложения.

Диалогичность речемышления Набокова уподобляется мастерской интеллектуальной игре с мыслящим читателем: автор формулирует оценку, провоцирует ее, ставит под сомнение. Рядом с информацией, которую содержит в себе основной текст, имеет место быть сопровождающая ее метатекстовая оценка (метокоментарии), с помощью которой автор [11] предупреждает реакцию читателя и как бы отвечает на нее, учитывая в речевой ткани произведения ответы на вопросы подразумеваемого собеседника.

Необходимо отметить, что в приведенных примерах метатекстовые операторы не только служат реализации связности и проспекции, т.е. выполняют функцию развертывания текста, но и помогают выявлению важных для автора смыслов путем активизации читателя. Коммуникативное общение, построенное таким образом, способствует уточнению, проверке или сравнению ценностей читателем, создавая впечатление знания, совместности мыслительной деятельности и совместимости оценок автора и адресата.

В отличие от иннективного метатекста, сепаративный метатекст формируют композиционно дистанцированные от основного текста образования. У сепаративного метатекста не только особые композиционные формы, но и своя стилистическая функция: он нацелен, прежде всего, на адекватное восприятие основного текста адресатом, связан не с развертыванием текста, а с его функционированием в определенной ситуации [26: 83-84]. Так, в сепаративный метатекст входят работы писателей о поэтике, статьи и эссе о поэзии, творчестве, автокомментарии, различные маргиналии к тексту – пометки на полях (книги), заголовки, помещенные на полях («боковики»), заметки, эссе по поводу стиля, направления, пояснения к тексту.

Текстовые образования, такие как комментарии и примечания, относящиеся к сепаративному метатексту, близки к метатекстовым образования типа «текст в тексте», которые, согласно А.Вежбицкой, представляют собой описание текста и одновременно инструкцию по его пониманию. В дискурсе романа «Ада мы обнаруживаем» такого вида метакомментарии, стоящие особняком от основного текста повествования, внутритекстовые комментарии и примечания (это комментарии сделанные рукой главной героини на полях книги, так называемые «боковики»), мы по-прежнему встречаем метатекстовые операторы, служащие линейному развертыванию текста, но количество их уменьшается, практически исчезают метатекстовые обороты, рассчитанные на открытое общение с адресатом для толкования смысла сказанного, комментирования авторской позиции.

Ярким примером проявления метатекстовых образований сепаративного типа в дискурсе уже рассматривавшегося романа В.В. Набокова «Ада, или Эротиада: семейная хроника» выступают примечания, завершающие повествование. Формально примечания отделены от претекста, основного текста романа. В качестве автора примечаний выступает анаграммированный двойник Владимира Владимировича Набокова – Вивиан Даркблоом, фиктивный автор примечаний ко второму изданию «Ады». Полные недомолвок и довольно туманных намеков, примечания Даркблоома в целом продолжают литературную игру Набокова и могут в связи с этим восприниматься как полноценная часть романного текста – метатекст сепаративного типа, наподобие пародийного предисловия к «Лолите», написанного Джоном Рэем. Содержательное разнообразие примечаний можно свести к размышлениям о литературе и искусстве, расшифровке собственно-авторских анаграмм, наблюдениям над собственной речью и стилем, интертекстуальным и интермедиальным пояснениям и многому другому.

Многочисленные автоцитации и автореминисценции (так же, как и прямые и замаскированные критические выпады против тех писателей, художников или переводчиков, кто имел несчастье чем-либо не угодить автору «Ады») занимают важное место в художественной системе «семейной хроники»: они создают эффект авторского присутствия в повествовательном пространстве романа, выдвигая на первый план не сюжетное действие, а авторское «я» с его капризами и фантазиями. Ввиду чего необходимо говорить об авторской саморефлексии и о рефлективном начале, скрытом в дискурсе романа, в котором главным героем является не Ван Вин и не его возлюбленная Аделаида Вин, а сама литература и творческий процесс. Примечания к роману дополняют художественный мир претекста, помогают реципиенту (читателю) декодировать набоковские анаграммы, заполнить лакуны в знаниях. Тем самым автор, незримо присутствующий в тексте, помогает читателю понять и воспринять информацию, заложенную в дискурсе романа.

Индивидуально-авторские номинации, то есть набоковские анаграммы, сложно было бы понять и воспринять без комментариев. В.В. Набоков в примечании к роману дает расшифровку (декодировку) анаграмм, окказиональных номинаций, путем метакомментирования употребленной в претексте номинации.

В случае с примечаниями и сносками («боковиками») мы встречаемся с метатекстовым знаком, не являющимся равным тексту, то есть с метатекстовым фрагментом. Такие метатекстовые фрагменты занимают сильную позицию в тексте и семантически автономны, хотя следует сказать о том, что семантическая автономность метатекстовых фрагментов не дает оснований для того, что бы данные фрагменты обладали самопонятийностью. В отличие от метатекстовых элементов, служащих средством когезии, метатекстовые фрагменты стремятся к выполнению функции глобальной связности, будучи соотнесены со всем пространством материнского текста или значительной его частью. В художественном тексте данные знаки семиотически неоднозначны и полифункциональны. Они не являются «чистыми» примерами реализации метаязыковой функции, по Р. О. Якобсону, но обычно в числе прочих референтов указывают на код текста наряду с его темой.

Так, например, если мы возьмем одну из мнолочисленных сносок, сделанных рукой Аделаиды Ван на полях читаемого ей романа, вряд ли мы поймем смысл этого метатекстового фрагмента вне контекста (претекст).

(Интересно, Ван, *почему* ты так стараешься всю поэзию и необычайность нашего прошлого обратить в пошлый фарс? Нет, правда, Ван! Это я говорю правду, именно так все и было. Я чувствовала себя не слишком уверенно, отсюда развязность, самодовольная ухмылка. Прости, но нет – если бы люди запоминали все одинаково, они бы не были разными людьми. Все у них было бы точь-в-точь. Так ведь мы-то не «разные»! По-французски «думать» и «воображать» - одно и то же слово! Вспомни про *doucer,* Ван! Ну да, конечно же, я все время думаю об этом, да-да... все было *douce,* дитя мое, рифма моя. Так-то лучше, сказала Ада.) (Набоков. Ада).

Или же метатекстовыЙ фрагмент типа: *(Короткий вздох как подтверждение быстротечности времени: он, как и Ван, помнил до мелочей каждый их, отца и сына, совместный ужин в Риверлейн, походя роняемое, заботливое предложение посетить ватерклозет, лебезящих преподавателей, гнусную еду, мясное пюре, «Боже, спаси Америку!», конфузливых сынков, плебеев-папаш, титулованного британца и грека-вельможу, выставляющихся друг перед дружкой яхтами на Багамудах, ухабством и охальством. Можно, сын, я незаметно перекину на твою тарелку сей изысканный синтетический продукт под розовой глазурью? «Ах, тебе не нравится!» Храни Господь вкусовые пристрастия бедных американцев!)* (Набоков. Ада).

Мы считаем, что при помощи подобных метатекстовых фрагментов автор структурирует текст (текст как единое целое), а также устанавливает связи между структурными компонентами текста (сверхфразовыми единствами в отдельных частях

изложения) и поддерживает процесс социальной интеракции с реципиентом. Фактор социальной интеракции включает в себя отношение автора к содержанию текста, его направленность на убеждение реципиента и формы обращенности к читателю (выражение присутствия автора, тональность форм обращения к читателю и формы установления с ним контакта, а также формы выражения смягчения). Ввиду чего, метатекст в таком понимании можно рассматривать как прагматическое, функционально-семантическое явление, присущее любому письменному или устному тексту и обладающее текстообразующей потенцией, то есть строевой, организующей функцией.

Теперь выскажем некоторые наблюдения в связи с той областью проявления метатекста, которую мы называем периферийной.

Сегодня интерес филологов самого различного профиля к проблеме метатекста заметно активизируется. Об этом свидетельствуют, в частности, исследования последних лет, в которых текстовое пространство рассматривается, органично вписываясь в научно-исследовательскую антропоцентрическую парадигму, с когнитивно-дискурсивной точки зрения.

1. Авторские предисловия и послесловия. Действительно, метатекст как *текст в тексте* (равно как и *текст о тексте*) проявляется тогда, когда в высказывании обозначается его автор как языковая личность с ее оценочно-характеризующим собственный же текст модусом. Личностный авторский план представлен при этом в самых разных ракурсах и речежанровых структурных образованиях

Так, это может быть аспект переводческой метакоммуникации, которая выражена авторскими предисловиями, послесловиями, примечаниями к переводу и т. д., являясь «одной из разновидностей метадискурсивной деятельности. Ее особенность состоит в создании метатекстовых дополнений, которые могут соотноситься не только с текстом оригинала, но и с текстом перевода» [21: 3]. В тексте самого перевода активно употребляются основные и комментирующие метатекстовые операторы, коррелирующие с аналогичными проявлениями автора текста-источника (об этом говорится, в частности, в исследовании переводов К.И. Чуковского на русский язык [1: 155].

2. Дневники. Языковая личность автора может быть ярко представлена и при самоидентификации, например, в форме дневникового жанра. Так, в дневниках того же К.И. Чуковского, написанных на его родном русском языке, идентичность автора (или самоидентификация) осознается, в частности, с помощью механизма интериоризации как «воздействие на его идентичность мнения о нем значимых Других» [17: 21]. Ср.: «Мне Сологуб неожиданно сделал такой комплимент: «Никто в России так не знает детей, как вы». Верно ли это? Не думаю». Вместе с тем, определение когнитивно-дискурсивного уровня метаидентификации языковой личности автора дневника с помощью «реализации когнитивно-дискурсивных тактик» в вербальной (vs. косвенно-имплицитной) форме, на наш взгляд, не позволяет полностью идентифицировать языковую личность автора того же дневника. В уже упомянутой работе Е.В. Леоновой выделяются кроме интериоризации такие метаидентификационные тактики автора, как самокатегоризация, самоатрибуция, социальное сравнение [18: 15 и след.]. Очевидно, что все они лишь частично затрагивают имманентное начало автора именно как субъективной, индивидуально ощущающей себя языковой Личности, комментирующей свое речевое поведение, которое фиксируется в тексте.

Спонтанный, спорадический характер дневниковой речежанровой формы лишь усиливает, подчеркивает её главную метатекстовую характеристику – *антропогенность* как индивидуально-креативное проявление скрытых личностных смыслов и коннотаций (внутренняя самооценка, душевные движения и побуждения, частные интенции и под.). Антропогенный характер метатекстового вектора текста связана, думается, с формированием собственно личностного плана *авторской*

организации текста как дискурса – основы самовыражения автора, являющегося главным условием формирования текестового пространства. Многое здесь представлено интуитивно, на подсознательном уровне и скрыто, имплицировано *в подтексте.* Когнитивно-дискурсивные тактики, о которых шла речь выше, характеризуют скорее план выражения, которые не равен плану содержания, ибо последний всегда включает *область собственно авторских скрытых смыслов.* Даже говоря о Другом, автор неизбежно имеет в виду Себя – в той или иной степени оправдывая, жалея, сомневаясь в достоверности, правомерности (истинности) высказанного, оцененного, охарактеризованного им лично и важного именно для него, даже на уровне саморефлексии.

Рассмотрим стихотворный текст К. Зиновьева «Мольба»:

Где взять мне силы разлюбить
И никогда уж не влюбляться,
Объятья наши разлепить,
Окаменевшими расстаться?
О, как вернуться не успеть,
О, как прощенья не увидеть,
То, нестерпимое, стерпеть,
Простить и не возненавидеть?

А Бог молчит. За тяжкий грех,
За то, что в Боге усомнились
Он наказал любовью всех,
Чтоб в муках верить научились
<…>
Раскоролевить, развенчать,
Расцеловать по полустанкам,
Разоблачить, раздеть, разъять
Я красоту твою пытался.
Пусть крест мой вечный – тень ее,
Меня преследует до тленья.
О, дай мне ночью воронье,
Пусть исклюет мои сомненья.

Интуитивное, подсознательное, субъективно ощущаемое автором-лирическим героем далеко не всегда укладывается в жесткие когнитивно-логические рамки. Его состояние настолько *индивидуально сложно,* что подчас требуется не монологическое, а *внутренне-диалогическое* построение текста, когда автору для подтверждения и оценки или характеристики своих интуитивно ощущаемых смыслов и оттенков и вербализации их в тексте помогают особые формы метатекстовой рефлексии – метарефлексии [17; см. также: 15; 14; 20 и др.].

В приведенном примере автор делает попытку постичь глубину своего чувства, осознать его силу и бесконечность, хотя с точки зрения логики, здравого смысла осознает бесполезность какого-либо результата (чувство это обречено на непознаваемость и непостижимость, ибо его когниция подвластна только Богу, который «молчит» и «наказал любовью всех»). Интуитивная попытка постижения непостижимого вербально сфокусирована в цепном повторе очень емких в русском языке со всех точек зрения (когнитивно-дискурсивной, структурно-семантической, экспрессивно-эмотивной и других) глагольных форм – инфинитивов, в которых синтезирована, буквально на оксюморонном уровне, категоричность желания что-либо осуществить и отсутствие континуальной (пространственно-временной) возможности

реализации самой этой попытки. Благодаря этому метатекстовый импульс авторских интенций облекается в поэтическую форму риторической метарефлексии - вербального «энергетического выброса» с нулевым коммуникативным, но зато весьма высоким оценочным эффектом.

Метарефлексия в художественном тексте – явление, которое может использоваться автором благодаря самым различным метатекстовым средствам и приемам. Сравним, к примеру, авторскую игру с включением своего «я»-присутствия в общей канве дискурса, когда местоименные личные «исходы» [27], употребляемые в тексте могут выражаться формами 2-го или 3-его лица обоих чисел [см.:17 и др.]. В смене авторской «метамаски» просматривается стремление проникнуть в глубины своего сознания и увидеть объект синхронно в разной степени отдаленности от него (сравните употребление указательных местоимений Н, ТЪ, ОНЪ в древнерусском языке).

3. Анонс произведения. Естественно, многое в формировании метатекстового «слоя» текста зависит от жанрового вектора дискурса. Так, анонс художественного произведения, имеющий поликодовый характер и являющийся, по мнению исследователей, рекламным текстом, «продающим» книгу (*annonce* в переводе с французского – «реклама»), выступает особым речевым жанром, «сжато репрезентирующим идейно-сюжетную линию художественного произведения с целью привлечь внимание читателя» [23: 7]. Думается, к анонсу все же следует применять иные критерии оценки. Явно выходя за рамки собственно рекламного жанра, он выступает своеобразной *метатекстовой интерлюдией*, от формы и содержания которой зависит сам процесс возникновения иллокутивно-перлокутивной связи между автором и адресатом – потенциальным читателем. Здесь помимо собственно кодовых моментов (событийный, информационный, эмотивный, оценочный, стилистический) очень важен ментальный момент, связанный с кодом этнонационально-маркированным, отражающим идентичность и адресанта, создающего анонс, и адресата.

Ср.:

Алексей Иванов. Псоглавцы. Год издания: 2016. Издательство: «АСТ».

«Трое молодых москвичей приезжают на “халтурку” в глухую деревню Поволжья: им надо снять со стены заброшенной церкви погибающую фреску. На фреске – еретическое изображение святого Христофора с головой собаки. Оказывается, деревня в старину была раскольничьим скитом, а “халтурка” – опыт таинственных дэнжерологов, “сапёров” мировой культуры. И во мгле торфяных пожаров утраченная историческая память порождает жуткого Псоглавца – то ли демона раскольников, то ли бога лагерной охраны. Если угодно, это жанровый роман, ужастик про оборотней. Если угодно – новая деревенская проза. Если угодно – стилизация под веб-сёрфинг по теме русского раскола. Но в целом “Псоглавцы” – история про незримые границы культуры и стражей этих границ. У любого общества есть определённый круг убеждений, и общество не разрешает человеку покидать этот круг, а если человек осмеливается выйти за священный предел, то в погоню за ним кидаются чудовища». А. Иванов.

Автор, выступающий метакомментатором в анонсе своего собственного текста, – это лучший вариант, даже если анонс осуществляется одной цитатой из произведения, – в любом случае это метаголос непосредственного создателя текста. Нечто подобное мы встречаем в авторских аннотациях к статьям, книгам, сборникам. Аннотация происходит от лат. *annotatio* – «примечание, замечание». Иное дело – анонс, создаваемый как рекламный проспект книги в специальных изданиях. Сравним:

Сапегин А. Дракон. М.: АСТ, 2016. 992с.

Замечательный подарок поклонникам русского фэнтези! Новый увлекательный роман Александра Сапегина! Порой случается так, далекие миры оказываются

намного ближе, чем ожидалось, а короткая тропка через лаз в заборе превращается в длинную дорогу домой, проложенную в дебрях иных миров. Слепой случай и злодейка-судьба кидают тебя из страны в страну, из мира в мир, но ты все равно ищешь эту дорогу. Но дом и человеческое общество не слишком подходят Дракону.

Рекламный прагматический вектор подобных анонсов очевиден, и поэтому их метатекстовая квалификация должна носить иной характер. Другое дело, что этноментальная кодировка здесь отражена весьма ярко, хотя и декларируется самими анонсирующими.

Можно ли считать анонс как метатекстовое образование адаптированным текстом? Скорее всего, нет, поскольку анонсирующий текст имеет с источником косвенные семантические и тем более формально-языковые связи. Под адаптированным текстом сегодня понимается «вид вторичного текста как результата речемыслительной деятельности адаптатора» [22: 10]; при этом данные преобразования текста носят целенаправленный характер и приводят к изменениям «дискурсивно-прагматических условий его понимания и интерпретации» [22: 5]. Адаптация предполагает, в частности, не только сокращение, облегчающее восприятие текста, не только актуализацию наиболее выгодных моментов в плане продвижения текста как товара на рынке, - но в первую очередь «обнажение» наиболее важных с прагматическо-ценностной точки зрения аспектов, особенно если адаптируется текст художественный. В этом случае даже ориентированный на «имплицированного» читателя анонс должен иметь авторский характер – как авторизованная сокращенная модель анонсируемого текста, включающая атрибуты, имеющие ценность, с точки зрения создателя. Анонс же текста, создаваемый не автором, а критиком, издателем, редактором и т.д., является *псевдометатекстом* и именно тогда носит условный характер, выходя на уровень рекламы, и зачастую не представляет, в силу своей шаблонности, стереотипности, интереса для читателя, зачастую даже отталкивая его от «продвигаемого» текста. Реклама не имеет индивидуального авторства, а потому и не может рассматриваться как метатекст.

4. Внесюжетные элементы. Рассматривая зону метатекстовой периферии, мы, вероятно, должны включить в нее употребление и таких текстовых образований, как внесюжетные элементы, к которым традиционно относят вставные эпизоды, рассказы и лирические (авторские) отступления, присказки, зачины и запевы в эпическом произведении, ремарки – в драматическом произведении. Они не входят в сюжетное действие и расширяют рамки изображаемого, предоставляя возможность автору высказать свои мысли и чувства по поводу различных явлений жизни, напрямую не связанных с сюжетом [3].

Зона метатекастовой периферии требует от исследователя включения в анализ языковой личности автора текста и метатекста. Корреляция «текст – метатекст» выходит на уровень триады «текст – языковая личность автора – метатекст». Заметим при этом, что, на наш взгляд индивидуально-личностный момент здесь обязательно должен быть конструирующим началом и не нести деструкции. Последняя, тем не менее, получает иногда позитивные научно-исследовательские оценки (см., например, анализ «художественного» текста современного модерниста М. Елизарова [29]). Думается, степень художественности дискурсивного образования, с значит – и сам статус и функции метатекста в тексте во многом определяются качеством словесного материала. Данный момент, если мы говорим о русской языковой картине мира, имеет глубокие эстетические традиции отечественной классики.

Таковы некоторые наблюдения над соотношением текстовых и метатекстовых проявлений Homo Auctoris с точки зрения современного русского научно-исследовательского сознания.

Библиографический список

1. Агаджанян А.А. Переводческая деятельность К.И. Чуковского как языковой личности (на материале переводов стихов У.Уитмена) // Вестник ПГЛУ. 2015. № 4. С. 154-159.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5. С.159-206.
3. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. М.: Изд-во «Паритет», 2007. 320 с.
4. Буров А.А. Номинационно-синтаксический семиозис в современном русскоязычном дискурсе: новая реальность словаря // Вестник ПГЛУ. 2001. № 4. С. 5-9.
5. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. 305 с.
6. Буров А.А., Фрикке Я.А. Мифологический компонент пространства речевой номинации в художественном тексте // Вестник ПГЛУ. 2012. № 1. С. 74-77.
7. Буров А.А., Кулага О.В. Метатекстовое начало пространства художественного текста (на материале прозы В.В. Набокова) // Вестник ЮФУ. Филологические науки. 2012. № 1. С.169-178.
8. Буров А.А. Фразовая номинация как средство выражения метатекста в художественном тексте // Грани познания. Волгоград. №5(39). Июль 2015. С. 16-19.
9. Буров А.А., Бурова Г.П., Царева Н.А. Поэтический текст и его метатекстовая составляющая (на материале лирики Б.Л. Пастернака) // Наука, образование и инновации. Ч.3. Саратов: МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2016. С. 102-108.
10. Вежбицка А. Метатекст в тексте: пер. с польск. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402-421.
11. Витковская Л.В. Авторское "Я" в когнитивной парадигме. Литературовед. исслед. / Федер. агентство по образованию РФ, ПГЛУ. Пятигорск, 2005.
12. Гак В.Г. К эволюции способов речевой номинации // Вопросы языкознания, 1985, № 4. С. 28–42.
13. Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С.118-129.
14. Зусева В.Б. Метаповествование // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 119-120.
15. Ким Х.Е. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // Acta Slavica Iaponica. Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 2004. Т. 21.
16. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 227 с.
17. Кривонос В.Ш. Читатель и авторская метарефлексия в «Мертвых душах» Гоголя // Новый филологический вестник. 2011. № 4(19). С. 11-120.
18. Леонова Е.В. Реализация стратегии самоидентификации языковой личности в дневниковом дискурсе. Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Теория языка. Саратов, 2016. 29 с.
19. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Флинта, 1999. 234 с.
20. Озкан В.Б. Метароман как проблема исторической поэтики. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. Теория литературы. М., 2013. 47 с.
21. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний). Авторенф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Теория языка. Воронеж. 2014. 27 с.
22. Первухина С.В. Структура, семантика и прагматика адаптированного текста. Автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. Теория языка. Ростов-на-Дону, 2016. 39 с.

23. Сараева К.И. Лингвопрагматические особенности поликодового текстового пространства анонса художественного произведения» по специальности 10.02.19. Теория языка. Краснодар, 2016. 28 с.
24. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста. Пятигорск, Изд-во ПГЛУ, 2004. 212 с.
25. Ходус В.П. Структура метатекста в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Leksyka w komunikacji jezykowej. Materialy konferencij międzynarodowej. Gdańsk, 1998.
26. Шаймиев В.А. Метатекст и адекватное восприятие текста // Аспекты речевой конфликтологии: сб. ст. / Под ред. С.Г. Ильенко. СПб: РГПУ, 1996. С. 58-62.
27. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
28. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 646 с.
29. Юрьев Д.Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика). Автореф. дис.канд. филол. наук: 10.01.01. Русская литература. Краснодар, 2016.28 с.